Acta Linguistica Petropolitana. 2022. Vol. 18.3. P. 72–103
DOI 10.30842/alp2306573718372103

О синтаксической селекции (группы) прилагательного

П. В. Гращенков

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия); pavel.gra@gmail.com

Аннотация. В работе рассматриваются основные подходы к синтаксической структуре русской именной предикации с прилагательным. Проанализирован ряд семантических и дистрибутивных свойств, различающих именные предикации с краткой и полной формой прилагательного. Основным поставленным в работе вопросом является определение синтаксического статуса прилагательного в структуре именной предикации. Рассмотрен так называемый атрибутивный подход к устройству именной предикации с прилагательным, т. е. такой анализ, который возводит предикативные прилагательные к именным группам. Предложен подход, согласно которому предикативные полные формы прилагательных не входят в именные группы, а формируют группы прилагательных. Общая проблема, которая затрагивается в статье, — каков «проективный потенциал» прилагательных как отдельной грамматической категории.

Ключевые слова: синтаксис, прилагательные, русский язык, предикация, именная группа.

Благодарности. Исследование поддержано грантом РНФ 22-18-00037 и проводится в НИВЦ МГУ им. М. В. Ломоносова.

On syntactic selection of adjective (phrases)

Pavel V. Grashchenkov

Moscow Lomonosov State University (Moscow, Russia); pavel.gra@gmail.com

Abstract. The paper proposes an analysis of the syntactic structure of nominal predication in Russian, in particular, of nominal predication with adjectives.

© П. В. Гращенков, 2022

We analyze a number of semantic and distributive properties that distinguish nominal predications with short and long adjectival forms. The main issue raised in the paper is the syntactic status of Russian (long form) adjectives in the structure of nominal predications. We consider in detail the so-called attributive approach to the derivation of nominal predications with long form adjectives, i.e. undertake an analysis that derives predicative adjectives from noun phrases. We discuss some critical views on this approach and propose a mechanism by which predicative adjectives get the values of grammatical features relevant to them. The aspects of adjectival grammar important for our study are agreement and semantic role assignment. We also investigate different distributional constraints differentiating adjectival modification and predication. We show that the mechanisms that stand behind the predicative use in the case of short and long form adjectives differ in many respects. Clause structures with the two forms also vary crucially. The paper proposes an approach that makes it possible to eliminate the shortcomings inherent in attributive analyses of predicative long forms. The most important problem addressed in the paper is evaluation of the "projection potential" of adjectives as a separate grammatical category. We also discuss the parallelism between Russian short form adjectives and stative predicates in languages that lack an adjectival class. Russian short forms turn out to be similar to stative verbs in that they pattern with verbs with respect to semantic role assignment, featural composition and agreement.

Keywords: syntax, adjectives, Russian, predication, noun phrase.

Acknowledgments. The study is supported by the RSF grant 22-18-00037 conducted at the RCC of the Lomonosov Moscow State University.

1. Синтаксические функции прилагательных

У. Крофт определяет для прилагательных отдельную синтаксическую функцию модификации [Croft 1991] (см. также другие типологически ориентированные подходы к дистрибутивным свойствам прилагательных [Тестелец 1990; Bhat 1994; Dixon 2004] и т. д.). Он вводит в рассмотрение три семантических типа лексем: объекты, свойства и действия. Объекты представлены в языке именами, свойства — прилагательными, а действия — глаголами. Этим трем типам

лексических единиц соответствуют три базовые функции: референция, модификация и предикация. Для каждого класса лексем существует немаркированное и маркированное употребление. Немаркированному употреблению имен соответствуют референция, немаркированному употреблению прилагательных — модификация, глаголов — предикация.

В ряде работ формально-синтаксического направления, см., например, [Babby 1975; Бэбби 1985] для русского или [Kayne 1994] для английского и/или романских языков, была принята обратная точка зрения на прилагательное. Согласно ей, прилагательные порождаются исходно в предикативной позиции, затем претерпевают преобразование в относительное предложение, после чего относительное предложение сначала частично сокращается и прилагательное или группа прилагательного формируют постпозицию, а затем передвигается в препозицию.

Подобный подход подвергся критике уже достаточно рано: в [Bolinger 1967] исследуется семантика прилагательных в зависимости от того, в какой позиции они употребляются. Д. Болинджер дискутирует с принятым деривационным подходом к употреблению прилагательных в функции модификатора. Как замечает Болинджер, многие прилагательные демонстрируют регулярный семантический контраст в пре-/ постпозитивной позиции, допуская омонимию между этими двумя прочтениями в позиции предиката. Это говорит о том, что направление деривации «от предикации к модификации» — как минимум не очевидно.

В ряде более поздних работ, выполненных в русле порождающей грамматики, исследователи отошли от подхода к модификации как деривационному развитию предикативной функции прилагательных. Г. Чинкве развивает идею о том, что прилагательные занимают специальные функциональные проекции в составе именной группы, определяя таким образом модификацию как базовую функцию адъективной категории ([Cinque 1993, 2010] и другие его работы). В [Baker 2003] также постулируется онтологическое отличие данной категории от имен и глаголов — прилагательные, согласно М. Бейкеру, не могут проецировать спецификаторов и поэтому их первичной функцией является модификация, а не предикация. В [Гращенков 2018] модификация

также принимается как основная функция прилагательных в силу того, что деривационный подход был бы в сильной степени не экономичным — что противоречит минималистским требованиям к грамматике.

Таким образом, в результате многолетней дискуссии лингвисты разных направлений сошлись на том, что модификация является ключевой функцией прилагательных. Встает, однако, другой вопрос — является ли она единственной ключевой функцией прилагательных? Возможно, предикативное употребление — их столь же неотъемлемое категориальное свойство? Если ответ тут положительный, то следующий вопрос — отличаются ли прилагательные от имен, и чем? Если ответ отрицательный, то, опять же, чем дистрибуция (изначально модифицирующих) прилагательных отличается от имен?

Обозначим тезисно результаты, к которым мы придем в процессе рассмотрения и анализа русского материала в данной работе.

A) Прилагательные как категория, предназначенная для введения атрибутивных зависимых в ИГ, — не предназначена для предикативной функции. Это будет показано на материале полных форм (ПФ) русских прилагательных.

B) Семантически прилагательные предназначены для предицирования состояния объекту, и если в языке есть возможность употребления прилагательных без атрибутивной «оболочки» — они могут формировать лексическое ядро предикации подобно глаголам. Таковы краткие формы (КФ) русских прилагательных.

C) В обоих случаях, как в A, так и (тем более) в B дистрибуция адъективной проекции независима от именной и не восходит к функции модификации.

2. Атрибутивный подход к анализу предикации с прилагательными

Первые работы, в которых подробно исследовались различия в поведении русских прилагательных в атрибутивной и предикативной позиции, относятся к 60-м годам XX века. Одним из первых

проблему разделения атрибутивного и предикативного употребления прилагательных и связанную с ней в русском языке проблему статуса полных и кратких форм прилагательных (ПФ и КФ далее) поднял А. В. Исаченко [Исаченко 1963]. Отмечая сложность верификации таких утверждений, как бóльшая или меньшая соотнесенность со временем, и поставив задачу найти синтаксическое, а не семантическое обоснование тем или иным свойствам прилагательных, Исаченко приходит к выводу, что полные формы получаются в результате трансформации структур с краткими: «⟨…⟩ мы считаем форму *здоровый* в схеме *Этот здоровый мальчик* и форму *здоров* в схеме *Этот мальчик здоров* формами имен прилагательных. Обе формы эквивалентны друг другу, одна является трансформом другой» [Исаченко 1963: 80]. Существование («избыточной») предикативной ПФ объясняется Исаченко следующим образом: именные предикации *Этот мальчик здоровый* сводятся к последовательным трансформациям структур *Этот мальчик здоров* и *Мальчик СОР* (= copula. — *П. Г.*) *мальчик*. Разницу между предложениями *Китайский язык очень труден* и *Китайский язык очень трудный* Исаченко видит в том, что полная форма прилагательного всегда соответствует «именному» употреблению. Таким образом, *Китайский язык очень трудный* фактически восходит к структуре *Китайский язык очень трудный* (*язык*) [Исаченко 1963: 80–85].

Дистрибуция ПФ и КФ прилагательных асимметрична: ПФ может появляться как в атрибутивной, так и в предикативной позиции, КФ может употребляться только предикативно:

(1) a. *здоровый мальчик* a′. **здоров мальчик*

b. *Мальчик (был) здоровый.* b′. *Мальчик (был) здоров*

[Исаченко 1963: 83]

Единственный синтаксический контекст, доступный для КФ прилагательных, — первичная предикация[1]. В то же время ПФ

[1] Как представляется, единственным исключением из этого наблюдения в современном русском является контекст вторичной предикации с глаголами *стать, сделаться, оказаться* (*стал* / *сделался* / *оказался здоров*).

прилагательных, по крайней мере, на первый взгляд, не ограничены атрибутивным контекстом и могут использоваться и предикативно. Исследования проблемы предикативных прилагательных во многом были сосредоточены на способах объяснения асимметрии в дистрибуции краткой и полной форм. То, что у КФ отсутствует атрибутивное употребление, наводит на мысль, что подобная асимметрия является не более чем поверхностным выражением глубинной симметрии. Согласно такому анализу, ПФ прилагательных в русском языке всегда являются атрибутивными и в предикативном употреблении связаны с присутствием именной проекции[2]. Впервые предложенный в [Исаченко 1963] и развитый в [Babby 1973; Siegel 1976; Babby 1994] и других работах, такой подход к предикативным ПФ стал общепринятым в формальной русистике. В упомянутых работах Л. Бэбби, М. Зигель, Дж. Бейлина, как и в некоторых других, ПФ прилагательных в предикативном употреблении считаются атрибутивными прилагательными с нереализованной именной вершиной.

Один из аргументов в пользу такого анализа, см. [Siegel 1976; Matushansky 2006; Bailyn 2012] и др., связан с разницей в интерпретации следующих пар предложений:

(2) a. *Студентка умна.* КФ, абсолютная интерпретация

b. *Студентка умная*. ПФ, относительная интерпретация

[Siegel 1976: 297]

Наблюдаемая в (2b) «относительная» интерпретация возникает при таком подходе в связи с наличием свободной переменной Δ (‘Студентка умная Δ’), областью изменения которой является множество нарицательных существительных. Такая свободная переменная может соответствовать некоторой нулевой вершине и связываться подлежащим.

---

[2] М. Зигель пишет: «Теперь мы можем утверждать, что полные формы на самом деле образуются только в приименной позиции, а краткие формы — только в предикативной позиции» («We can now say that long forms are actually generated only prenominally and short forms only in predicate position»), см. [Siegel 1976].

Однако утверждение об атрибутивной природе ПФ прилагательных в предикативной позиции разделяется не всеми. В [Pereltsvaig 2007] номинативные ПФ противопоставляются КФ и инструментальным ПФ. Первые, по мнению Перельцвайг, являются частью предикативных DP (полной проекции именной группы), в то время как вторые — проекцией прилагательного. Перечислим некоторые аргументы против атрибутивного анализа.

Одним из наиболее известных аргументов в пользу атрибутивного анализа считается согласование в числе с формами вежливости второго лица:

(3) a. *Вы красивы* / **красива*.

b. *Вы красивая* / **красивые*.

c. *Вы пришли* / **пришла*.

В случае единственного референта вежливой формы местоимения *Вы* КФ требует согласования по множественному числу (как и глагол), а ПФ — по единственному. Этот факт, с одной стороны, позволяет говорить о том, что КФ объединяется с глагольными формами [Babby 1975; Geist 2010], а с другой — дает основания предполагать, что за ПФ стоит нулевая именная вершина.

Критики первого утверждения нам не известно, в то время как последнее ставится под сомнение в [Geist 2010; Borik 2014]. Так, в [Geist 2010] говорится, что восстановить фонологически невыраженную вершину невозможно — неясно, какое именно существительное стоит за ней:

(4) *После экзамена Иван был усталый.* (*усталый: человек? / студент? / Иван?*)

[Geist 2010: 246].

Еще один аргумент состоит в недоспецификации предикативной ПФ по роду [Geist 2010: 246] и числу [Borik 2014:146]. Значение рода и числа предикативных ПФ всегда повторяют те, которые представлены у существительного, и не соответствуют значению релевантного признака у возможной невыраженной вершины:

(5) a. *Сергей — хорошая няня.*

b. **Сергей хорошая.* [Geist 2010: 246].

(6) a. *Овощи были полезным продуктом.*

b. **Овощи были полезным.* [Borik 2014: 146].

Вместо этого в [Geist 2010; Borik 2014] предлагается считать, что прилагательное в предикативной позиции употребляется не в составе именной группы с нулевым элементом, а изолированно.

К приведенной выше критике атрибутивного анализа предикативной ПФ можно добавить следующие три аргумента. Во-первых, ПФ прилагательных в предикативной позиции не сохраняют идиоматическую интерпретацию, наблюдаемую в атрибутивной позиции:

(7) a. *золотая рыбка* (внешний признак vs персонаж сказки).

b. *Рыбка (была) золотая* (только про цвет).

[Grashchenkov, Grashchenkova 2007].

(8) a. *медные трубы* (библейская метафора vs материал).

b. *Трубы (были) медные* (только в значении материала).

[Grashchenkov, Grashchenkova 2007].

(9) a. *китайская грамота* (‘нечто сложное, непонятное’ vs культурная принадлежность).

b. *Грамота (была) китайская* (только как культурная принадлежность).

[Grashchenkov, Grashchenkova 2007].

Во-вторых, факты, связанные с формированием «цепочки» прилагательных, демонстрируют еще один контраст между предикативными и атрибутивными ПФ прилагательных. Предикативная позиция, в отличие от атрибутивной, невозможна при нейтральной интонации

в случае двух или более прилагательных, см. [Baker 2003] для других языков:

(10) a. *широкое синее море*

b. **Море (было) широкое синее.*

(11) a. *высокий каменный дом*

b. **Дом (был) высокий каменный.*

В-третьих, одним из вариантов атрибутивного подхода к предикативным ПФ мог бы быть анализ с передвижением всей именной группы помимо прилагательного в позицию подлежащего, (упрощенно) представленный ниже:

(12) a. *Дом был каменный.*

b. [$_{vP}$ *был* [$_{DP}$ *каменный дом*]]

c. [$_{TP}$ *дом*$_i$ [$_{vP}$ *был* [$_{DP}$ *каменный* t$_i$]]]

Действительно, в русском языке есть конструкции с предикативными ПФ, очевидным образом восходящие к предикативным именным группам. Предикативные именные вершины в таких конструкциях имеют классифицирующее значение и передвигаются в позицию топика:

(13) a. *Учительница она была строгая.*

b. *Человек он был добрый.*

c. *Женщина она была злая.*

(интернет).

Примечательно, что замена ПФ на КФ в подобных случаях невозможна, что говорит об исходной атрибутивной позиции ПФ:

(14) a. **Учительница она была строга.*

b. **Человек он был добр.*

c. **Женщина она была зла.*

Однако деривация с передвижением / удалением вершинного имени невозможна в случаях, когда подлежащим именной предикации является имя собственное или местоимение. И те и другие представляют собой единицы уровня DP, а прилагательные (независимо от взгляда на их роль в именной группе) порождаются внутри DP. В то же время именные предикации типа *Петя / Он был веселый* ведут себя аналогично предикациям типа *Дом был каменный*.

Контраст между (13) и (14), видимо, объясняется так. В (13) в позицию начала переносится тематическая часть рематической именной группы (*строгая учительница, добрый человек, злая женщина*). Такие существительные не несут новой информации и их сдвиг влево оправдан дополнительным выделением рематических прилагательных, остающихся в конце, ср.:

(15) a. *Вечер наступал / теплый, душный.*

b. *Снега лежали / розовые, палевые, голубые.*

[Ковтунова 2002:160].

Если ситуация именно такова, то неграмматичность (14) объясняется тем, что в ней нет исходной именной группы.

Еще один аргумент, различающий предикативное употребление прилагательных в составе именных групп и вне их, мы находим в области лицензирования отрицательных местоимений. В [Байков 2022] установлен следующий контраст:

(16) [ok]*Задача не была легкой ни для кого из учеников.*
**Задача не была легким ни для кого из учеников заданием.*

[Байков 2022].

Еще одной дистрибутивной особенностью, отличающей употребление прилагательных от употребления именных групп, является вторичная предикация. Если оформление инструменталисом доступно обоим типам проекций, то к согласовательной стратегии могут прибегать только прилагательные:

(17) *Дочка, доложу я вам, выросла умная и смелая* (интернет).

(18) a. *А Паша встретил ее в коридоре пьяный* (интернет).

b. *А Паша встретил ее в коридоре пьяную.*

(19) a. **Дочка выросла умная девушка (*ok*умной девушкой).*

b. **Паша встретил ее в коридоре пьяный красавец (*ok*пьяным красавцем).*

c. **Паша встретил ее в коридоре пьяную красавицу (*ok*пьяной красавицей).*

Контраст между (17)–(18), с одной стороны, и (19), с другой, показывает, что прилагательные могут прибегать к согласовательной стратегии. Именные группы в роли вторичного предиката (т. е. при отсутствии паузы перед ними), напротив, не могут оформляться согласуемым падежом (номинативом или аккузативом в примерах выше).

Итак, мы показали, что атрибутивный подход к предикативному употреблению ПФ русских прилагательных сталкивается с рядом проблем. Мы сформулируем свой подход к структуре русской предикативной ПФ, основанный на представлениях о структуре и функциях КФ и ПФ. Анализу предикативной ПФ будут предшествовать краткое описание структуры именной предикации и разбор синтаксиса предикативной КФ.

3. Подходы к структуре именной предикации

В работе [Bowers 1993] было обосновано существование в именных предикациях абстрактной вершины Pred, ответственной за приписывание семантической роли подлежащему. Предикативные именные группы или группы прилагательного выбираются в качестве комплемента вершиной Pred, которая в русском языке ответственна также за приписывание предикативного инструменталиса. Подобный анализ получил достаточно широкое распространение, см. [Bailyn 2012; Strigin, Demjjanow 2001] и другие работы.

Проблемы, которые встают перед исследователями при анализе именной предикации в русском языке, вкратце сводятся к следующему. Во-первых, необходимо объяснить процесс падежного согласования. В случае именной или вторичной предикации, а также при обособленных употреблениях согласование может быть с номинативным субъектом, аккузативным объектом и иногда — с некоторыми другими участниками. Во-вторых, необходимо объяснить предикативный инструменталис как при именной (*Мальчик был больным*), так и при вторичной (*Я проснулся больным*) предикации.

Гипотеза о существовании Pred помогает решить проблему приписывания инструменталиса. Действительно, если источник присвязочного инструменталиса еще может быть как-то локализован (собственно в бытийной связке), то инструменталис при вторичной предикации выглядит вовсе «возникающим из воздуха». Поскольку каждое значение падежного признака должно иметь свой источник, необходимо было локализовать его и в случае предикативного инструменталиса.

Представления о том, как реализована вершина Pred, у разных исследователей складывались по-разному. В [Strigin, Demjjanow 2001] предлагалось считать, что номинатив как согласовательный падеж на прилагательном возникает в связи с механизмом «просачивания» падежа от Pred. Стригин и Демьянова предполагают существование двух вершин Pred: с именными φ-признаками и без них. Различие в оформлении именных предикатов (согласование vs инструменталис) связано с типом используемой вершины Pred.

В [Bailyn 2012] проводится структурное различие между инструменталисом, согласуемым падежом вторичной предикации и номинативом именной предикации. Инструменталис всегда имеет своим источником Pred, как в первичной, так и во вторичной предикации. «Повторяемый» падеж вторичной предикации («sameness case») является результатом множественного согласования (multiple agree). В этом случае единственный источник падежного признака обслуживает как аргументную именную группу, так и вторичный предикат, являющийся адъюнктом. Случай согласуемой именной предикации анализируется как результат действия «выраженных предикаторов»

(«overt predicators»). Образуемые при этом структуры так же, как и в случае инструменталиса, связаны с PredP, однако позицию вершины заполняет не нулевая функциональная вершина, а различные формы глагола *быть*, которые и являются источником номинативного признака. Именная предикация с инструменталисом образуется аналогично вторичной предикации с инструменталисом.

Кроме этого, для разграничения употреблений инструментальных и согласуемых предикатов предлагался ряд подходов, связанных с различением индивидного и стадиального уровня, временной соотнесенности событий основной и вторичной предикаций и т. д., см. [Filip 2001; Richardson 2007: 107–163; Markman 2008; Matushansky 2008] и др.

Иная структура обычно предлагается для КФ русских прилагательных. Начиная с [Babby 1973], многие исследователи исповедовали подход к КФ как единице, имеющей глагольную природу. Так, в [Grashchenkov, Grashchenkova 2007; Geist 2010; Borik 2014; Гращенков 2018] предлагается считать, что краткие и полные формы прилагательных по-разному организуют именную предикацию. Краткие формы ведут себя подобно глаголам, используя вершину T «напрямую», а полным формам необходима «дополнительная поддержка» — участие в деривации абстрактной вершины Pred.

Важный аргумент в пользу того, что PredP отсутствует в предикациях с краткой формой, — тот факт, что КФ может самостоятельно присваивать семантическую роль. В [Geist 2010] приводится следующая парадигма:

(20) a. *Ребенок больной.* a′. *Голос у него больной.*

b. *Ребенок болен.* b′. **Голос у него болен.*

e. *Ребенок болеет.* c′. **Голос у него болеет.*

[Geist 2010: 249–250].

Семантические ограничения на субъект в данном случае совпадают у КФ и глагола, а для ПФ прилагательного допустимо метонимическое преобразование ‘обладатель’ — ‘обладаемое’. Данный

факт может говорить о том, что механизм присваивания семантической роли существует у КФ и глагола, а ПФ неспособна присваивать семантическую роль самостоятельно.

Следуя [Bailyn 2012], мы будем анализировать предикативную ПФ как образующуюся при участии вершины Pred. Такой подход применим как при «согласовательной» (в случае именной предикации — номинативной) стратегии, так и при стратегии с инструменталисом. Различие состоит лишь в конкретных механизмах, предписывающих выбор согласования либо предикативного инструменталиса. Ниже мы разовьем идею, в соответствии с которой КФ в отличие от ПФ не требуют вершины Pred и, подобно кратким причастиям, являются комплементом функциональной проекции T.

4. Проекция КФ

Согласно [Babby 1973; Babby 1994; Geist 2010; Borik 2014], русские КФ, так же, как и глаголы, могут проецировать собственные аргументы. Примем по аналогии с лексической глагольной вершиной V: в случае КФ прилагательных за проекцию подлежащего ответственна адъективная вершина Adj.

Адъективная вершина Adj и глагольная вершина V имеют также следующее общее свойство. Над вершинами обоих типов могут надстраиваться функциональные проекции, имеющие признак падежа. В случае прилагательных мы получаем ПФ, а в случае глаголов — полные причастия. Причастия, естественно, соответствуют более сложным (чем прилагательные) ситуациям и имеют более развернутую внутреннюю структуру: способны приписывать аккузатив своим комплементам (*решивший задачу ученик*) и т. д.

К различиям между проекциями Adj и V относятся также отмеченные в [Borik 2014] расхождения в употреблении бытийной связки. Если с пассивными причастиями вспомогательный глагол *быть* в ряде контекстов может опускаться, то в случае кратких прилагательных такое невозможно:

(21) a. *Дом (был) построен в прошлом году.*

b. *Ребенок *(был) болен в прошлом году.*

[Borik 2014: 152].

Мы, однако, считаем, что интерпретировать событие, описываемое пассивным причастием, как относящееся к прошлому позволяет в данном случае грамматическое значение совершенного вида, имеющееся у причастия. В случае отнесенности к будущему обе формы неграмматичны без вспомогательного глагола:

(21′) a. *Дом *(будет) построен в следующем месяце.*

b. *Ребенок *(будет) болен всю следующую неделю.*

Мы полагаем, что дистрибуция кратких прилагательных и причастий не различается, различны лишь количество событийной и аргументной структуры в их составе и частеречная принадлежность.

Важной особенностью синтаксиса КФ является то, что они, в отличие от ПФ, образуют простую предикацию без участия предикативной вершины Pred. Напомним, что Pred необходима по двум причинам: (i) присваивания семантической роли и (ii) приписывания падежного признака в языках типа русского. В случае предикации с КФ первую задачу выполняет вершина Adj, а падежного признака КФ лишены — следовательно, необходимость в употреблении Pred отпадает. Отметим, что прилагательные в данном случае сближаются с краткими причастиями, которые, очевидно, также образуют простую предикацию без участия Pred.

Краткие прилагательные всегда употребляются в качестве комплемента проекции TP — в этом их сходство с глаголом. Подлежащее, порожденное внутри проекции Adj, поднимается вверх по структуре в Spec, TP.

Итак, мы считаем, что прилагательные, как и глаголы, могут проецировать собственные аргументы. Причем правила проекции аргументов у прилагательных и глаголов совпадают — внутренний участник связан с проекцией лексической вершины. Главное отличие прилагательных от глаголов — в неспособности КФ прилагательных

возглавлять финитную клаузу и выражать видовременные значения в отсутствие глагола *быть*.

5. Особенности дистрибуции инструментальных ПФ, согласуемых ПФ и КФ

Итак, мы установили два важных факта: (i) предикативное употребление ПФ прилагательных невозможно возвести к атрибутивному; (ii) предикативное употребление КФ прилагательных похоже на употребление глагольных форм согласованием (*Вы красив*ы / *пришли* / *красивая*) и наличием семантической роли (*Голос у ребенка *болен* / **болеет* / ^{ok}*больной*).

В данном разделе мы рассмотрим различия в предикативной дистрибуции трех допустимых форм прилагательного: инструментальной, согласуемой и краткой. Нашей задачей будет установить, какие тут можно обнаружить различия и чем они объясняются.

В ряде работ, посвященных контролю в русском языке, противопоставляется контроль инфинитивного подлежащего из субъекта матричного глагола «напрямую» («subject-control infinitive», «simple subject control») и другие виды контроля, при которых признаки субъекта матричного глагола не доступны для нулевого подлежащего инфинитива:

Рассмотрим следующие примеры:

(22) a. *Она хотела быть красива.*

b. *Ты можешь быть свободен.* (интернет).

(22′) a. **Она хотела быть красивая.*

b. **Ты можешь быть свободный.*

КФ — в отличие от ПФ — допустимы в инфинитивных клаузах с субъектным контролем. Причина здесь, как представляется, в том, что у ПФ должен быть означен падежный признак, отсутствующий

у КФ. Как мы предположили выше, в структуре адъективных предикаций с ПФ должна быть вершина Pred — она, согласно [Bowers 1993], нужна для приписывания падежа и присваивания семантической роли. Напомним, что обе эти функции релевантны для русского, см. выше. Поскольку значение падежного признака в случае согласуемого предиката у Pred отсутствует, он передается из субъектной позиции вниз в Spec, PredP. В случае КФ PredP отсутствует и адъективная проекция встраивается сразу как комплемент зависимой TP:

(23) a. [$_{TP}$ *Она* [$_{VP}$ *хотела* [$_{TP}$ PRO$_{\{-case\}}$ [$_{VP}$ *быть* [$_{AdjP}$ *красива*]]]]]

b. [$_{TP}$ *Она* [$_{VP}$ *хотела* [$_{TP}$ PRO$_{\{-case\}}$ [$_{VP}$ *быть* [$_{PredP\{?case\}}$ [$_{AtrP}$ *красивая*]]]]]]

Допустим для простоты, что нулевые подлежащие инфинитивных клауз лишены падежного признака[3]. При этом падежный признак должен быть означен у Pred / ПФ. Это не является проблемой для КФ, не требующих спецификации по падежу и, как следствие, допустимых в подобных контекстах.

Дальнейшее исследование употребления двух форм ПФ и КФ в инфинитиве позволяет дополнительно разграничить их дистрибуцию. Рассмотрим случаи объектного контроля (24), инфинитивов, вложенных в отглагольные существительные (25), и инфинитивов с заполненным комплементайзером (26). Они характеризуются как случаи, при которых передача признаков от субъекта матричной предикации затруднена, см. [Landau 2008; Lyutikova 2022] и др. Мы обнаруживаем, что все подобные контексты позволяют употребление инструментальной ПФ, но не согласуемой ПФ или КФ:

(24) a. *Мы попросили его к утру быть трезвым* (интернет).

b. **Мы попросили его к утру быть трез / трезвый.*

[3] Есть разные точки зрения относительно падежа у PRO, в любом случае наше утверждение можно переформулировать как недоступность падежного признака матричного подлежащего.

(25) a. *Влияет ли на внешность человека его желание быть красивым?* (интернет)

b. **Влияет ли на внешность человека его желание быть красив / красивый?*

(26) a. *Он придумал, как быть бессмертным* (интернет).

b. **Он придумал, как быть бессмертен / бессмертный.*

Дистрибуция прилагательных в инфинитивах выше аналогична дистрибуции инфинитивов, занимающих позицию субъекта:

(27) a. *Быть здоровым — долг перед будущими детьми.*

b. *Быть вежливым — значит уметь себя вести и иметь хорошие манеры.*

(28) a. **Быть здоров / здоровый — долг перед будущими детьми.*

b. **Быть вежлив / вежливый — значит уметь себя вести и иметь хорошие манеры.*

(интернет)

Еще один контекст, допускающий инструментальные ПФ, но не согласуемые ПФ или КФ, — инфинитивы с контролем из дативного субъекта:

(29) a. *Ей нужно быть откровенной и спросить Лиама и Джозефину напрямую.*

b. *Ему можно быть вредным, он красивый.*

(интернет)

(30) a. **Ей нужно быть откровенна / откровенная.*

b. **Ему можно быть вреден / вредный.*

Все пять контекстов в (24)–(30) объединяет то, что признаки матричного номинативного подлежащего «не видны» прилагательному в именной части сказуемого. В случае (24) PRO контролируется из объектной

позиции; в (25) между контролером и вложенной структурой есть граница именной группы; в (26) в инфинитивной клаузе заполнена вершина C; в (27)–(28) контролер отсутствует; в (29–30) контролер — дативный субъект. Все перечисленные контексты можно определить как случаи необязательного контроля, см. [Landau 2008; Lyutikova 2022]. Для них характерна бóльшая непрозрачность инфинитивной клаузы, комплементайзер которой может иметь собственные признаки, что делает попадание φ-признаков из матричной предикации невозможным.

Контраст между (22) и (22′) для неграмматичной согласуемой ПФ и грамматичной КФ мы объяснили как результат недоступности номинативного падежного признака. Что же делает неграмматичной КФ в случаях (24)–(30), где падежный признак не релевантен? Для предикации с КФ наличие субъекта необходимо для означивания признаков рода и числа, происходящее в результате согласования с подлежащим. Причина неграмматичности в перечисленных случаях состоит в том, что как для номинативной ПФ, так и для КФ необходимо си-командующее подлежащее, способное передать признаки рода и числа в случае КФ, а также и падежа для ПФ.

Примечательно, что аналогичным образом ведут себя и пассивные предложения с краткими (и полными согласуемыми) причастиями. Все разобранные случаи необязательного контроля с краткими причастиями также неграмматичны:

(31) a. *Отсутствие поддержки вынудило Владимира быть вовлеченным в преступную деятельность.* (интернет)

b. **Это вынудило Владимира быть вовлечен / вовлеченный в преступную деятельность*.

(32) a. *Все эти симптомы скрывали ее стремление быть любимой.* (интернет)

b. **Все эти симптомы скрывали ее стремление быть любима / любимая?*

(33) a. *И Стас придумал, как не быть застигнутым его появлением врасплох*. (интернет)

b. **Стас придумал, как не быть застигнут / застигнутый врасплох.*

(34) a. *Купить квартиру и не быть обманутым — это просто.* (интернет)

b. **Не быть обманут / обманутый — это просто.*

(35) a. *Раз ему суждено быть обманутым, то пусть так и будет.* (интернет)

b. **Ему суждено быть обманут / обманутый.*

В случае си-командующего субъектного контролера главной клаузы краткие (но не полные) причастия грамматичны:

(36) a. *Он не хотел быть обманут / *обманутый.*

b. *Рыба могла быть поймана / *пойманная в водоеме с высоким содержанием вредных веществ.* (интернет)

Таким образом, дистрибуция кратких причастий и КФ прилагательных в данных контекстах одинакова, что позволяет по-новому оценить предложенный в [Бэбби 1985] подход к прилагательным как аналогам причастий. Если мы, например, примем деривационный подход к контролю (control as movement), см. [Boeckx et al. 2010], можно полагать, что в спецификаторе обеих структур (AdjP, PartP) порождается пациентивное подлежащее, которое затем поднимается в спецификатор TP. Такая деривационная история объясняет грамматичность субъектных инфинитивов и неграмматичность случаев необязательного контроля.

Итак, мы установили, что для согласуемой предикативной ПФ необходимо локальное подлежащее, для КФ — либо локальное подлежащее, либо субъектный контроль из матричной клаузы[4].

[4] Мы оставляем для будущей дискуссии вопрос о грамматичности инструментальной ПФ. Скажем лишь, что отсутствие падежного признака в данном случае нерелевантно, т. к. он присваивается вершиной Pred. Что касается признаков

Рассмотрим теперь некоторые случаи, в которых допустимо употребление КФ и недопустимо — ПФ. В обоих случаях ниже речь идет о прилагательных с лексическими зависимыми, что исключает употребление согласуемой ПФ (**Мальчик был довольный оценкой*), см. [Гращенков 2018]. Однако инструментальной форме, см. (37) ниже, встречаются употребления, которые легко преобразуются в предложения с КФ в (38)–(39a):

(37) a. *Мы были довольными всеми блюдами.*

b. *Комната была интересна двумя вещами.*

(интернет)

Конфигурация с плаванием квантора при этом допустима для КФ и недопустима для ПФ:

(38) a. **Блюдами мы были довольными всеми.*

b. ^{ok}*Блюдами мы были довольны всеми.*

(39) a. **Вещами комната была интересной двумя (кровать и холодильник).*

b. ^{ok}*Вещами комната была интересна двумя (кровать и холодильник).*

Как представляется, причиной неграмматичности может быть наличие дополнительного уровня проекции в случае ПФ. Похожие ограничения на вынос квантифицируемого можно наблюдать, например, если квантор помещен в именную группу-посессор:

(40) a. *Я знаю всех своих учеников.*

b. *Своих учеников я знаю всех.* (интернет)

(41) a. *Я знаю друга всех своих учеников.*

b. **Своих учеников я знаю друга всех.*

рода и числа, механизм их означивания может совпадать с таковым для вторичной предикации (*Петя увидел Машу пьяной*).

Как мы предполагали, см. (23), в случае ПФ над группой прилагательного дополнительно надстраивается PredP, берущая комплементом адъективную составляющую Atr. Обе эти составляющие связаны с выражением падежного признака и их границы могут блокировать связь квантифицируемого и кванторного слова так же, как это делает лишний уровень посессора в (41b).

6. Предикативная ПФ

Предикации с ПФ, как мы считаем, отличаются от предикаций с КФ по двум параметрам: (i) ПФ в процессе деривации «выбираются» вершиной Pred, ответственной за проекцию подлежащего и назначение ему семантической роли; (ii) предикативные ПФ образуются как «плоские» составляющие, лишенные внутренней структуры, и не могут присваивать семантическую роль.

Подобный подход объясняет различие в интерпретации предложений *Мальчик* (*был*) *здоров* и *Мальчик* (*был*) *здоровый*. В случае КФ перед нами ситуация, задаваемая стативным предикатом и актуальная на протяжении определенной временной дистанции. В случае ПФ представлено классифицирующее значение — такое же, как при атрибутивном употреблении (‘мальчик — из числа здоровых’).

Рассмотрим аргументы противников атрибутивного подхода, предложенные в [Geist 2010] и [Borik 2014]. Как было замечено Л. Гейст, КФ более избирательна в выборе субъекта. В отсутствие комплементов предикативная ПФ ведет себя в данном отношении аналогично атрибутивной ПФ, при этом обе они оказываются противопоставлены КФ. В то же время, по замечанию О. Борик, обладающие комплементами атрибутивные ПФ объединяются с КФ:

(42) a. *Мальчик / Голос был больной.*

b. *больной голос / мальчик*

c. *Мальчик* / **Голос был болен.*

d. *больной ангиной мальчик* / **голос*

Как мы видим, предикативные и атрибутивные ПФ без комплементов, с одной стороны, противопоставлены КФ и атрибутивным ПФ с комплементами, с другой. Это связано с тем, что только КФ и атрибутивная ПФ (но не предикативная ПФ) могут иметь проекцию Adj, ответственную за вставление подлежащего.

Атрибутивное употребление ПФ допускает использование проекции Adj, в то время как предикативное — нет. Это позволяет объяснить то, что атрибутивные ПФ с комплементами ведут себя как КФ, ср.: **больной ангиной голос* / **Голос болен ангиной*. Причина неграмматичности в обоих случаях — то, что вершина Adj присваивает семантическую роль, а именная группа *голос* не может быть участником ситуации ‘болеть’. В случае ПФ без комплемента семантическая роль не присваивается, а связывание ситуации и ее участников происходит на основании прагматики, что допускает более широкую трактовку отношений, ср. грамматичность *больной мальчик* / *голос*; *Мальчик* / *голос был больной* (ср. также приведенные выше примеры контраста между значением КФ и ПФ).

Наиболее спорным вопросом, как уже было сказано, является статус предикативной составляющей, содержащей ПФ прилагательного. Для одних исследователей такой проекцией является именная группа с невыраженной вершиной, см. [Исаченко 1963] и др. Для других лингвистов предикативная ПФ связана с проекцией прилагательного (имеющей глагольную природу), см. [Geist 2010] и др. Мы предлагаем считать, что предикативные ПФ имеют атрибутивную природу, восходящую, однако, не к именной группе. В случае предикативной ПФ именная вершина и именная проекция вовсе отсутствуют. Атрибутивный характер составляющей объясняется наличием именных согласовательных признаков (рода, числа и падежа) в проекции самой ПФ.

Представленная критика атрибутивного анализа демонстрирует, что предикативное употребление ПФ не связано с эллипсисом именной вершины. Мы придерживаемся атрибутивного подхода к предикативным ПФ в том смысле, что в функции именного предиката

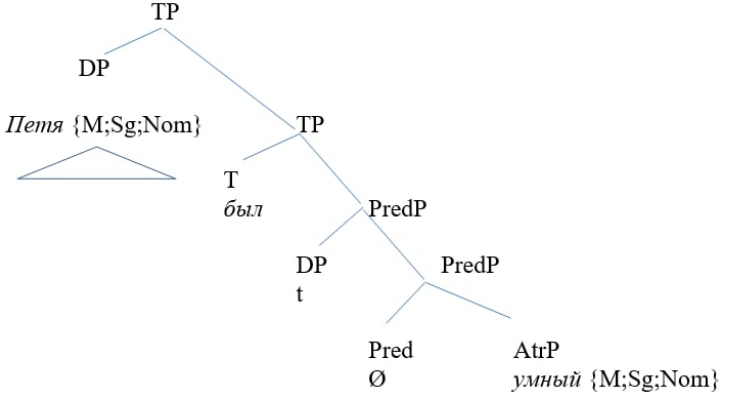
употребляются специфицированные атрибутивные словоформы — полные формы прилагательного, обладающие (согласовательными) категориями рода, числа и падежа, что делает их употребление похожим на субстантивацию.

Итак, предикативные ПФ в русском представляют собой AtrP, а не DP / NP, но такие AtrP, которые в русском языке специфичны именно для атрибутивного употребления.

В отличие от КФ, ПФ прилагательных имеют признак падежа. По этой причине русские ПФ в составе именного сказуемого всегда образуются при участии вершины Pred, которая берет комплементом проекции с падежным признаком.

Подлежащие именных предикаций с ПФ, следовательно, порождаются в Spec, PredP. Для построения именной части предикации с ПФ необходимо означивание признаков рода, числа и падежа на прилагательном. Передвигаясь выше по структуре в Spec, TP, подлежащие получают значение номинатива. После этого признаки рода, числа и падежа просачиваются вниз по структуре до именной части предикации. ПФ прилагательного, таким образом, получает все необходимые ей признаки только после того, как субъектная именная группа поднимется в позицию подлежащего:

(43)



Одно из следствий такого подхода состоит в том, что образование субъектной DP не зависит от предикативной AdjP. Этим объясняется

невозможность рассогласования субъекта и (части) предиката в роде или числе (**Сергей хорошая* {*няня*}; **Овощи были полезным* {*продуктом*}). Предикативная ПФ не имеет собственных значений согласовательных признаков (как при наличии именной вершины *няня*, *продуктом*) и потому зависит от значений таких признаков на субъекте.

Грамматичность предложений *Вы красивая* и т. п. связана с тем, что местоимения (DP) и ПФ прилагательных порождаются как две различные проекции: именная группа и группа прилагательного. Стратегия согласования по единственному числу имеет место всегда, когда уважительное *Вы* не образует с группой прилагательного проекции с начала деривации. Это видно на примере таких именных составляющих, как согласуемые дрейфующие элементы (*сам* / *один* / ...) или вторичные предикаты, см. [Madariaga 2006]:

(44) a. *Вы придете одна.*

b. *В том, что Вы можете сам с собой разговаривать, нет ничего страшного.*

(интернет)

(45) a. *Вы выглядите одинокой.*

b. *Но Вы выросли озлобленным и вечно обделенным человеком.*

(интернет)

Во всех данных примерах согласование по множественному числу было бы неграмматично, т. е. вторичные предикаты тут не составляют одной проекции с прилагательным, как и ПФ в случае *Вы красивая*.

7. Некоторые следствия и параллели

К предложенному нами анализу не применима критика, относившаяся к прежним вариантам атрибутивного подхода. Деидиоматизация следует из предлагаемой нами структуры автоматически: части именных групп *золотая рыбка*, *медные трубы*, *китайская грамота*

более не образуют единого элемента, а представляют фактически две различные составляющие. Для идиом, которые хранятся в словаре как цельная лексическая единица, такое недопустимо.

Столь же автоматически решается и проблема запрета двух и более атрибутивных прилагательных (**Море было широкое синее* и т. п.). Поскольку частью именного предиката является группа прилагательного, «наслоение» нескольких прилагательных невозможно — это допустимо только в рамках именной группы.

Проблемы количества вынесенной в субъектную позицию именной структуры (DP vs NP; *Петя был веселый* vs *человек был веселый*) также не возникает: субъектная именная группа и проекция прилагательного образуются независимо.

Остальные отличия ПФ и КФ были объяснены выше. Напомним, что главным различием в структуре является формирование адъективной предикации в полной форме с вершиной Pred, но вне именной проекции. AdjP, представленная полной формой, является, таким образом, еще одной (кроме именной группы) проекцией с именными признаками.

Иначе происходит деривация предикативных КФ. Как мы видели, они в сильной степени повторяют дистрибуцию таких нефинитных глагольных форм, как краткие страдательные причастия. Можно продолжить параллель между КФ прилагательных и причастий, впервые отмеченную Л. Бэбби, и дальше. Можно предположить согласно идеям, представленным в монографии [Ramchand 2008], что КФ русских прилагательных и причастий имеет тот же статус, что и результирующая проекция resP, отвечающая в лексической структуре глагола за финальное состояние, в которое переходит субъект или объект.

В ряде языков лексикализацию resP можно наблюдать — именно так, например, выглядят прилагательные в составе осетинских сложных предикатов:

Осетинский

(46) Æз дуар ærбай-гом кодтон.
я дверь PREF-открытый делать.PST.1.SG
‘Дверь приоткрылась.’ [Гращенков 2018: 324]

Другую типологическую параллель можно найти в языках без прилагательных. Адъективные значения в них передаются стативными предикатами. Подобные предикаты соответствуют состояниям или качествам, выражаемым в русском (английском, …) при помощи прилагательных. Приведем пример из нивхского:

Нивхский

(47) Tamk-xun tak-nt-γun.
рука-PL быть.теплым-IND-PL
'Руки теплые'. [Груздева 2012: 467]

Таким образом, КФ русских прилагательных, адъективные части осетинских сложных предикатов и нивхские стативные предикаты схожи в том, что, обладая семантикой адъективов, они участвуют в деривации глагольных проекций.

8. Заключение

В работе поднимался вопрос о природе предикативного употребления прилагательных. Мы проанализировали проблемы, связанные с так называемым атрибутивным подходом к предикативным прилагательным: затрудненность в установлении элиминированной именной вершины, потеря идиоматического значения, невозможность употребления более одного предикативного прилагательного и др. Был сделан вывод об отсутствии проекции именной группы у предикативных полных форм.

Мы также предложили анализ, согласно которому структуры предикаций с краткой и полной формой прилагательного различны. Краткая форма, как и глагол, порождает подлежащее внутри своей проекции и является комплементом T. Полная форма требует предикативной вершины Pred, ответственной за присваивание семантической роли и приписывание падежа. Релевантные грамматические признаки (прежде всего — именительный падеж) приобретаются полной формой прилагательного в процессе деривации. Согласно нашему

подходу, в предикациях с полной формой отсутствует именная структура, а сходство с именной группой объясняется употреблением атрибутивной (= полной) формы прилагательного. Типологические корреляты кратких форм находятся в языках, где роль прилагательных выполняют стативные глаголы, или языках, формирующих сложные предикаты, наподобие осетинского.

Литература

Байков 2022 — Ф. В. Байков. Отрицательные местоимения внутри группы прилагательного: экспериментальное исследование. Доклад на конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии». 14 июня 2022 г.

Бэбби 1985 — Л. Бэбби. Глубинная структура прилагательных и причастий в русском языке // Т. В. Булыгина, А. Е. Кибрик (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М.: Прогресс, 1985. С. 156–170.

Гращенков 2018 — Грамматика прилагательного. Типология адъективности и атрибутивности. М.: ЯСК, 2018.

Груздева 2012 — Е. Ю. Груздева. Аспектуальные классы глаголов в нивхском языке // Acta Linguistica Petropolitana. 2012. Т. VIII. Ч. 2. С. 458–533.

Исаченко 1963 — А. В. Исаченко. Трансформационный анализ кратких и полных прилагательных // Т. Н. Молошная (отв. ред.). Исследования по структурной типологии. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 61–93.

Ковтунова 2002 — И. И. Ковтунова. Русский синтаксис: порядок слов и актуальное членение предложения. М.: УРСС, 2002.

Тестелец 1990 — Я. Г. Тестелец. Наблюдение над семантикой оппозиций «имя / глагол» и «существительное / прилагательное» (к постановке проблемы) // В. М. Алпатов (ред.). Части речи: теория и типология. М.: Наука, 1990. С. 77–95.

Babby 1973 — L. Babby. The Deep Structure of Adjectives and Participles in Russian // Language. 1973. Vol. 49. P. 349–360.

Babby 1975 — L. Babby. A transformational grammar of Russian adjectives. Hague; Paris: Mouton, 1975.

Babby 1994 — L. Babby. A Theta-theoretic analysis of Adversity Impersonal Sentences in Russian. // S. Avrutin, S. Franks, L. Progovac (eds.). Annual workshop on formal approaches to Slavic linguistics. The MIT meeting 1993. Ann Arbor, Michigan: Slavic Publications, 1994. P. 25–67.

Bailyn 2012 — J. Bailyn. The syntax of Russian. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

Baker 2003 — M. C. Baker. Lexical categories: Verbs, nouns, and adjectives. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Bhat 1994 — D. N. S. Bhat. The adjectival category: Criteria for differentiation and identification. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1994.

Boeckx et al. 2010 — C. Boeckx, N. Hornstein, J. Nunes. Control as Movement. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

Borik 2014 — O. Borik. The argument structure of long and short form adjectives and participles in Russian // Lingua. 2014. Vol. 149. P. 139–165.

Bowers 1993 — J. Bowers. The syntax of predication // Linguistic Inquiry. 1993. Vol. 24. P. 591–656.

Cinque 1993 — G. Cinque. On the evidence for partial N-movement in the Romance DP // Venice Working Papers in Linguistics. 1993. Vol. 3. № 2. P. 21–4.

Cinque 2010 — G. Cinque. The syntax of adjectives. A comparative study. Cambridge, MA: MIT Press, 2010.

Croft 1991 — W. Croft. Syntactic categories and grammatical relations. Chicago; London: University of Chicago Press, 1991.

Dixon 2004 — R. M. W. Dixon. Adjective classes in typological perspective // R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald (eds.). Adjective classes. A cross-linguistic typologyM. New York: Oxford University Press, 2004. P. 1–49.

Filip 2001 — H. Filip. The semantics of case in Russian secondary predication // R. Hastings, B. Jackson, Z. Zvolenszky (eds.). Proceedings of Semantics and Linguistic Theory (SALT) 9. Ithaca; NY: CLC Publications; Department of Linguistics, Cornell University, 2001. P. 192–211.

Geist 2010 — L. Geist. The argument structure of predicate adjectives in Russian // Russian Linguistics. 2010. Vol. 34. P. 239–260.

Grashchenkov, Grashchenkova 2007 — P. Grashchenkov, A. Grashchenkova. Argument structure of Russian adjectives. Talk given at the Workshop on argument structure and syntactic relations // Vitoria-Gasteiz. 2007. 23–25 May, 20.

Kayne 1994 — R. Kayne. The antisymmetry of syntax. (Linguistic Inquiry Monograph. No. 25). Cambridge, MA: MIT Press, 1994.

Landau 2008 — I. Landau. Two routes of control: Evidence from case transmission in Russian // Natural language and linguistic theory. 2008. Vol. 26. Iss. 4. P. 877–924.

Lyutikova 2022 — E. A. Lyutikova. On the structure of Russian infinitival clauses. Proceedings of the FASL conference, 2022. In print.

Madariaga 2006 — N. Madariaga. Why Russian semi-predicative items always agree // Journal of Slavic Linguistics. 2006. Vol. 14. Iss. 2. P. 45–78.

Markman 2008 — V. Markman. The case of predicates (revisited): Predicate instrumental in Russian and its restrictions // Journal of Slavic Linguistics. 2008. Vol. 16. Iss. 2. P. 187–246.

Matushansky 2006 — O. Matushansky. How to be short: some remarks on the syntax of Russian adjectives. Séminaire de l'UMR 7023, CNRS. Universite Paris 8, 2006.

Matushansky 2008 — O. Matushansky. A case study of predication // F. Marušič, R. Žaucer (eds.). Studies in formal Slavic linguistics. Contributions from formal description of Slavic languages 6.5. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008. P. 213–239.

Pereltsvaig 2007 — A. Pereltsvaig. The universality of DP: A view from Russian // Studia Linguistica. 2007. Vol. 61. Iss. 1. P. 59–94.

Ramchand 2008 — G. C. Ramchand. Verb meaning and the lexicon. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Richardson 2007 — K. Richardson. Case and aspect in Slavic. Oxford: Oxford University Press, 2007.

Siegel 1976 — M. E. Siegel. Capturing the Russian adjective // B. H. Partee (ed.). Montague grammar. New York: Academic Press, 1976. P. 293–309.

Strigin, Demjjanow 2001 — A. Strigin, A. Demjjanow. Secondary predication in Russian // ZAS Papers in Linguistics. 2001. Vol. 25. P. 1–79.

References

Babby 1973 — L. Babby. The Deep Structure of Adjectives and Participles in Russian. *Language.* 1973. Vol. 49. P. 349–360.

Babby 1975 — L. Babby. *A transformationa grammar of Russian adjectives.* Hague; Paris: Mouton, 1975.

Babby 1985 — L. Babby. Glubinnaya struktura prilagatelnykh i prichastiy v russkom yazyke [The deep structure of adjectives and participles in the Russian language]. T. V. Bulygina, A. E. Kibrik (eds.). *Novoye v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Iss. XV. Moscow: Progress, 1985. P. 156–170.

Babby 1994 — L. Babby. A Theta-theoretic analysis of Adversity Impersonal Sentences in Russian. S. Avrutin, S. Franks, L. Progovac (eds.). *Annual workshop on formal approaches to Slavic linguistics*. The MIT meeting 1993. Ann Arbor, Michigan: Slavic Publications, 1994. P. 25–67.

Bailyn 2012 — J. Bailyn. *The syntax of Russian.* Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

Baker 2003 — M. C. Baker. *Lexical categories: Verbs, nouns, and adjectives*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Baykov 2022 — F. V. Baykov. *Otritsatelnyye mestoimeniya vnutri gruppy prilagatelnogo: yeksperimentalnoye issledovaniye.* Doklad na konferentsii «Grammaticheskiye protsessy i sistemy v sinkhronii i diakhronii» [Negative pronouns within the adjective phrase: an experimental study. The talk at the conference "Grammatical processes and systems in synchrony and diachrony"].

Bhat 1994 — D. N. S. Bhat. *The adjectival category: Criteria for differentiation and identification*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1994.

Boeckx et al. 2010 — C. Boeckx, N. Hornstein, J. Nunes. *Control as Movement*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

Borik 2014 — O. Borik. The argument structure of long and short form adjectives and participles in Russian. *Lingua*. 2014. Vol. 149. P. 139–165.

Bowers 1993 — J. Bowers. The syntax of predication. *Linguistic Inquiry*. 1993. Vol. 24. P. 591–656.

Cinque 1993 — G. Cinque. On the evidence for partial N-movement in the Romance DP. *Venice Working Papers in Linguistics*. 1993. Vol. 3. № 2. P. 21–24.

Cinque 2010 — G. Cinque. *The syntax of adjectives. A comparative study*. Cambridge, MA: MIT Press, 2010.

Croft 1991 — W. Croft. *Syntactic categories and grammatical relations*. Chicago, London: University of Chicago Press, 1991.

Dixon 2004 — R. M. W. Dixon. Adjective classes in typological perspective. R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald (eds.). *Adjective classes. A cross-linguistic typology*. New York: Oxford University Press, 2004. P. 1–49.

Filip 2001 — H. Filip. The semantics of case in Russian secondary predication. R. Hastings, B. Jackson, Z. Zvolenszky (eds.). *Proceedings of Semantics and Linguistic Theory (SALT) 9*. Ithaca; NY: CLC Publications; Department of Linguistics, Cornell University, 2001. P. 192–211.

Geist 2010 — L. Geist. The argument structure of predicate adjectives in Russian. *Russian Linguistics*. 2010. Vol. 34. P. 239–260.

Grashchenkov 2018 — P. V. Grashchenkov. *Grammatika prilagatelnogo. Tipologiya atributivnosti i adyektivnosti* [The Grammar of Adjectives. Typology of Adjectives and Attributives]. Moscow: YASK, 2018.

Grashchenkov, Grashchenkova 2007 — P. Grashchenkov, A. Grashchenkova. *Argument structure of Russian adjectives. Talk given at the Workshop on argument structure and syntactic relations*. Vitoria-Gasteiz, Spain. 23–25 May, 20.

Gruzdeva 2012 — E. Yu. Gruzdeva. Aspektualnyye klassy glagolov v nivkhskom yazyke [Aspectual classes of verbs in Nivkh]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2012. T. VIII. Pt. 2. P. 458–533.

Isachenko 1963 — A. V. Isachenko. Transformatsionnyy analiz kratkikh i polnykh prilagatelnykh [Transformational analysis of short and full adjectives].

T. N. Moloshnaya (ed.). *Issledovaniya po strukturnoy tipologii* [Research on structural typology]. Moscow: Publishing House Academy of Sciences of the USSR, 1963. P. 61–93.

Kayne 1994 — R. Kayne. The antisymmetry of syntax. (Linguistic Inquiry Monograph. No. 25.) Cambridge, MA: MIT Press, 1994.

Kovtunova 2002 — I. I. Kovtunova. *Russkiy sintaksis: poryadok slov i aktualnoye chleneniye predlozheniya* [Russian syntax: word order and information structure]. Moscow: URSS, 2002.

Landau 2008 — I. Landau. Two routes of control: Evidence from case transmission in Russian. *Natural language and linguistic theory*. 2008. Vol. 26. Iss. 4. P. 877–924.

Lyutikova 2022 — E. A. Lyutikova. *On the structure of Russian infinitival clauses*. Proceedings of the FASL conference, 2022. In print.

Madariaga 2006 — N. Madariaga. Why Russian semi-predicative items always agree. *Journal of Slavic Linguistics*. 2006. Vol. 14. Iss. 2. P. 45–78.

Markman 2008 — V. Markman. The case of predicates (revisited): Predicate instrumental in Russian and its restrictions. *Journal of Slavic Linguistics*. 2008. Vol. 16. Iss. 2. P. 187–246.

Matushansky 2006 — O. Matushansky. *How to be short: some remarks on the syntax of Russian adjectives*. Séminaire de l'UMR 7023, CNRS. Universite Paris 8, 2006.

Matushansky 2008 — O. Matushansky. A case study of predication. Studies in formal Slavic linguistics. F. Marušič, R. Žaucer (eds.). *Contributions from formal description of Slavic languages 6.5*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008. P. 213–239.

Pereltsvaig 2007 — A. Pereltsvaig. The universality of DP: A view from Russian. *Studia Linguistica.* 2007. Vol. 61. Iss. 1. P. 59–94.

Ramchand 2008 — G. C. Ramchand. *Verb meaning and the lexicon*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Richardson 2007 — K. Richardson. *Case and aspect in Slavic*. Oxford: Oxford University Press, 2007.

Siegel 1976 — M. E. Siegel. Capturing the Russian adjective. B. H. Partee (ed.). *Montague grammar*. New York: Academic Press, 1976. P. 293–309.

Strigin, Demjjanow 2001 — A. Strigin, A. Demjjanow. Secondary predication in Russian. *ZAS Papers in Linguistics*. 2001. Vol. 25. P. 1–79.

Testelets 1990 — Ya. G. Testelets. Nablyudeniye nad semantikoy oppozitsiy "imya / glagol" i "sushchestvitelnoye / prilagatelnoye" (k postanovke problemy) [Observations on the semantics of oppositions "noun / verb" and "noun/adjective" (problem statement)]. V. M. Alpatov (ed.). *Chasti rechi: teoriya i tipologiya* [Parts of speech: theory and typology]. Moscow: Nauka, 1990. P. 77–95.